

Героические наши люди

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов! Невольно приходит на память одна очень старая история. У кроваевского деспота Филиппа Испанского была замысловатая игрушка — живой клавесин. В ящике были замки кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Стоило королю ударить по клавише, как она, в свою очередь, ударила по кошачьему хвосту и раздавалась надрывно миукающие. Подобной музыкальной устроил себя, обдумывая, как бы захватить власть над миром.

Дикий вай о крахе человека, об извечной испорченности человеческой натуры, о врожденном аморальном, доносимом до нас атлантическом ветерком, что-то очень напоминает подобный кошачий концепт. В последнее время вай усиливается; видимо, дефективный хозяин литературного форпоста рассержен не на шутку, стучит по клавишам кулаком.

Кошки, мучимые Филиппом, нам жаль — животные не ответственные за садистские наименования своего хозяина. Буржуазные литераторы возбуждают презрение и гнев, их преступное предательство по отношению к человеку отвратительно, их поведение тем более гнусно, что, творя зло, они притворяются, что хотят творить добро. Некоторые практики, притягивая руку за полуученным отвердым «честно заработанным» долгом, делают вид, что протянули ее для благословения пасомых, для того, чтобы указать им путь.

Взоры простых людей мира обращены к великой стране социализма, в которой живет работает новый человек, гражданин социалистического общества, его строители и защитники, творец и герой. Этот человек — величайшая активная сила истории, оплотом тридцатилетнего существования своего блестящего оправдания пророчество Маркса, что, только изменяя мир, общество, люди вместе с тем изменяют и самих себя.

Советский человек!

Это звучит гордо и величественно. С первых лет существования своего на земле он поднял своим своим вызвало уважение и восхищение, стал величайшей ценностью всего общества.

«Да есть ли на свете что-нибудь красивее нашего человека? Сколько труда, невзгоды принял он на свои плечи за наше государство, за народное дело! В граждансскую войну осмышил хлеба ел — не роптал, в реконструкции стала в очередях, драную одежду носил, а не променял своею советского первородства на галантейго. А в эту Отечественную войну со страстем, с гордостью в сердце понес свою голову на смерть, принял любую невзгоду и труд, — даже ребята пришли это на себя, не говоря уже о женщинах, — а это же все наши люди, такие, как мы с тобой. Мы вышли из них, все лучшие, самые умные, талантливые, знатные наши люди, — все вышли из них, из простых людей!» — так сердечно-

Творцы изобразительного искусства

Встреча мастеров высокого урожая с писателями

27 сентября в гости к писателям в Центральный дом литератора пришли учёные и практики сельского хозяйства — мастера высоких урожаев, творцы изобилия. Среди них: действительный член Академии сельскохозяйственных наук И. В. Якушкин, профессор Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева А. Г. Лорх, агроном-опытник А. Г. Анашин, председатель колхоза «Победа», Дмитровского района, Московской области, И. С. Егоров, кандидат биологических наук И. Е. Глушко.

В зале Дома литератора появилась необычная для него выставка с образами картофеля и овощей. Огромная, диконинная тыква, глыбы коровьей скамьи, разноцветные шары помидоров, снопы пшеницы и ржи в человеческий рост — все это привлекло внимание присутствующих. С большим интересом и теплотой воспринималось каждое выступление людей творческого труда, рассказавших о своих достижениях.

После выступительного слова редактора газеты «Социалистическое земледелие» Н. И. Аничкова, представившего знатных гостей и охарактеризовавшего творцов обильного урожая 1947 года, выступил И. В. Якушкин. Он говорил о героническом труде колхозников, о мудрых решениях партии и правительства, направленных на быстрейшее преодоление последней эпохи 1946 года и дальнейшее успешное развитие социалистического сельского хозяйства. «В ради областей и в этом году было очень мало дождей», — сказал И. В. Якушкин, — и все же даже в некоторых засушливых районах Ставрополья собран высокий урожай зерновых — 20 и больше центнеров с гектара. Это — результат самовтвреждения труда колхозников, умеющих использовать достижения советской агротехники.

Демонстрируя достижения колхозников и агрономов, учёных с большим огорчением подчеркнул, что пытается все еще мало писать о мастерах высоких урожаев, о жертвах колхозников. «Да и в тех произведениях, которые уже написаны, заметны следы писательской неравномерности и неосведомленности», — сказал в заключение учёный. В одной повести! которую я прочел в журнале «Октябрь», описание осени может в лучшем случае вызвать смешку. Автор пишет, что в сентябре колхозники одновременно убирают подсолнечник и кукурузу, хотя даже деревенским ребятишкам известно, что подсолнечник созревает значительно раньше».

Заслуженные упреки по адресу своих гостепримных хозяев-писателей высказали и председатель колхоза «Победа» И. С. Егоров. Он говорил не только о том, что писатели часто не замечают огромных до-

1 Кавалер Золотой звезды С. Бабаевского.

го и просто скажут об обычных советских людях герой романа «Молодая гвардия» коммунист Шульга.

И это святая правда, которую подтверждает любая гражданская наша Родина, правда, которую раскрывает нам все богатство, созданное советской литературой. Она вызвана к жизни действиями советского человека, и он по праву стал ее героем, радостью и гордостью ее.

Окинем взглядом пройденный нашей литературой путь. В начале его — строгие образы благородных рыцарей революции — Кожух, Чапаев, Клычков, Левинсон — защитники молодой советской республики. Их служили стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов! Невольно приходит на память одна очень старая история. У кроваевского деспота Филиппа Испанского была замысловатая игрушка — живой клавесин. В ящике были замки кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Стоило королю ударить по клавише, как она, в свою очередь, ударила по кошачьему хвосту и раздавалась надрывно миукающие. Подобной музыкальной устроил себя, обдумывая, как бы захватить власть над миром.

Дикий вай о крахе человека, об извечной испорченности человеческой натуры, о врожденном аморальном, доносимом до нас атлантическом ветерком, что-то очень напоминает подобный кошачий концепт. В последнее время вай усиливается; видимо, дефективный хозяин литературного форпоста рассержен не на шутку, стучит по клавишам кулаком.

Кошки, мучимые Филиппом, нам жаль — животные не ответственные за садистские наименования своего хозяина. Буржуазные литераторы возбуждают презрение и гнев, их преступное предательство по отношению к человеку отвратительно, их поведение тем более гнусно, что, творя зло, они притворяются, что хотят творить добро. Некоторые практики, притягивая руку за полуученным отвердым «честно заработанным» долгом, делают вид, что протянули ее для благословения пасомых, для того, чтобы указать им путь.

Два мира — две литературы!

Одна — антигуманистическая, поносящая человека, затаптывающая его в грязь, стремящаяся к полному разрушению личности, к превращению человека в одиничное, бешеное животное.

Другая — человеческая, полная здоровья и сил, утверждающая перед всем миром красоту и богатство человека, указывающая на исторический опыт советского народа, как на единственно правильный путь возрождения человека и его беспредельного совершенствования. Литература эта так же жива, что, только изменения мир, общество, люди вместе с тем изменяют и самих себя.

Советский человек!

Это звучит гордо и величественно. С первых лет существования своего на земле он поднял своим своим вызвало уважение и восхищение, стал величайшей ценностью всего общества.

«Да есть ли на свете что-нибудь красивее нашего человека? Сколько труда, невзгоды принял он на свои плечи за наше государство, за народное дело! В граждансскую войну осмышил хлеба ел — не роптал, в реконструкции стала в очередях, драную одежду носил, а не променял своею советского первородства на галантейго. А в эту Отечественную войну со страстем, с гордостью в сердце понес свою голову на смерть, принял любую невзгоду и труд, — даже ребята пришли это на себя, не говоря уже о женщинах, — а это же все наши люди, такие, как мы с тобой. Мы вышли из них, все лучшие, самые умные, талантливые, знатные наши люди, — все вышли из них, из простых людей!» — так сердечно-

стий в жизни колхозников,

«Беда еще в том, что нам часто дают скучные книги, — сказал И. С. Егоров, — А надо писать так, чтобы мы зачитывались!»

На вечере также выступил профессор А. Г. Лорх, имени которого назван один из популярнейших сортов картофеля. Впервые писатели узнали об обстоятельствах рассказа профессора о графике выращивания растений. Знатный гость продемонстрировал учет развития ботвы и клубней в тех или иных погодных условиях. На протяжении многих лет профессор Лорх боролся за внедрение и улучшение своего сорта картофеля. Он научился управлять ростом ботвы и клубней, придавая последним желательную форму. По мнению профессора, в советской стране, где уже побиты многие мировые рекорды, можно добиться урожая картофеля в 400—500 тонн с гектара.

Лауреат Сталинской премии И. Е. Глушко рассказал о новых экспериментальных данных мицунинской генетики. Писатели увидели чудеса гибридизации: желтые и красные плоды на одной ветке, фиолетовые томаты, огромные клубни картофеля. Ученые добиваются не только разнообразия сортов, но и повышения урожая. По утверждению И. Е. Глушко, можно, например, получить не менее 70 тонн малиновых томатов с одного гектара.

«Много интересного в нашей работе может почерпнуть для себя писатель, — заключил И. Е. Глушко. — Надо только по-настоящему захотеть общаться с учеными и мастерами сельского хозяйства».

С большим вниманием писатели слушали выступление агронома-практика А. Г. Анашина, украсившего зал Дома литератора. А. Г. Анашин, украсившего зал Дома литератора, своим любопытными экспонатами. В обычном подсобном хозяйстве Суханово под Москвой, агроном-практик занялся опыты, которые вызвали широкий отклик во всей советской стране. Работой агронома-практика занимался Н. С. Хрушев, и уже в этом году его опыт широко распространен на Украине. Борясь за изобилие, А. Г. Анашин снимает по два урожая картофеля и капусты в течение одного лета. Сухановы собирают небывалый урожай: до 500 тонн картофеля и до 1000 центнеров сахарной свеклы с гектара. Метод А. Г. Анашина чрезвычайно прост: выкапывают сверхурожай картофель, он не выбрасывает ботву, а вновь сажает ее, и к осени клубни вырастают в еще большем количестве: срезая головки ранней капусты, агроном оставляет кончики в земле. И к осени вновь вырастает капуста. «Этот метод не нов, — сказал А. Г. Анашин. — То, что делаем мы, доступно для всех практиков сельского хозяйства. Жаль только, что наш опыт еще мало популяризирован».

Встреча мастеров высоких урожаев с писателями интересна и поучительна. Она может послужить началом постоянного творческого общения.

Заслуженные упреки по адресу своих гостепримных хозяев-писателей высказали и председатель колхоза «Победа» И. С. Егоров. Он говорил не только о том, что писатели часто не замечают огромных до-

го и просто скажут об обычных советских людях герой романа «Молодая гвардия» коммунист Шульга.

И это святая правда, которую подтверждает любая гражданская наша Родина, правда, которую раскрывает нам все богатство, созданное советской литературой. Она вызвана к жизни действиями советского человека, и он по праву стал ее героем, радостью и гордостью ее.

Окинем взглядом пройденный нашей литературой путь. В начале его — строгие образы благородных рыцарей революции — Кожух, Чапаев, Клычков, Левинсон — защитники молодой советской республики. Их служили стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов! Невольно приходит на память одна очень старая история. У кроваевского деспота Филиппа Испанского была замысловатая игрушка — живой клавесин. В ящике были замки кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Стоило королю ударить по клавише, как она, в свою очередь, ударила по кошачьему хвосту и раздавалась надрывно миукающие. Подобной музыкальной устроил себя, обдумывая, как бы захватить власть над миром.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов! Невольно приходит на память одна очень старая история. У кроваевского деспота Филиппа Испанского была замысловатая игрушка — живой клавесин. В ящике были замки кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Стоило королю ударить по клавише, как она, в свою очередь, ударила по кошачьему хвосту и раздавалась надрывно миукающие. Подобной музыкальной устроил себя, обдумывая, как бы захватить власть над миром.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеянный многими идеологами империализма. На все лады перепевают его гниющая литература буржуазного Запада.

Природой этого античеловеческого вздора ясна. Обанкротился не человек, а капитализм. Но и в балдроте он верх себе. И его идеологии, покорные воле хозяев, служившие стремятся «частное» выдать за «общее».

Жалкий жребий наемников и рабов!

«Человек обанкротился!» — этот демагогический выкрик добровольного агента реакции, бывшего французского писателя Андре Мальро, высмеян

Геннадий Фиш Освоение методом присвоения ИСТОРИЯ НЕУДАВШЕЙСЯ КРАЖИ

1. «ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКОГДА!»

Когда Елисей Тимирязев совершил свое величайшее открытие в области физиологии, немецкие ученые сначала яростно опровергли его выводы, а затем, потерпев поражение, обявили, что это открытие совершило Тимирязев, а немецкие профессора Сакс и Пфеффер.

В наши дни, как видно:

«...старая история...

Всего новой остается.

В конце двадцатых годов, в эпоху великого переноса в сельском хозяйстве Советского Союза, молодой ученый Трофим Денисович Лысенко создал теорию стадийного развития растений. Одним из выводов и одновременно одним из доказательств правоты этой теории было мероприятие, получившее в народе и в литературе наименование «яровизация». Колхозные массы подхватили предложение ученого, ввели его в повседневную практику. Яровизация стала миллионы пудов дополнительного урожая.

Как теория Лысенко, так и ее практическое применение были встречены в штыки консерваторами от науки, особенно за рубежом. Многоголосый хор этих «жрецов науки» утверждал, что теория эта антинаучна, а мероприятие бессмысленно, что через несколько лет оно будет забыто или даже уже забыто. Однако жизнь опровергла все их ожидания и расчеты, яровизация широки и успешно применяется в наших колхозах. В решении февральского Пленума ЦК ВКП(б) указано: «Организовать подготовку кадров колхозных яровизаторов с тем, чтобы, начиная с 1948 года, проводить посевы яровизованными семенами зерновых колхозных культур и проса в районах, применивших до войны яровизацию».

Теперь возражать против яровизации означает становиться в позицию чеховского помещика из села Блины-Седени. Василий Семёнович Булгаков, аргументация которого в письме к своему ученику соседу сводилась к утверждению: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!»

Ныне скрепа сердце признала правильность метода советского академика, буржуазные ученые далеко не довольны приемами, пытаются освоить, вернее, присвоить часть этого открытия. Как раз в те дни, когда принималось решение февральского Пленума, в журнале «Ликвидация» (февраль, 1947 г., т. 8) появилась статья Дарлингтона. Он со ссылкой главных районов нашего хлопководства. Собывал в Средней Азии, Азербайджане. Посетил в Одессе Институт генетики и селекции, руководимый Т. А. Лысенко. Всюду он неизменно выступал против мичуринцев-дарвинистов, против Т. А. Лысенко, научая их «чистой науке» — философии селекции Менделя-Моргана, Иогансена.

Сперва наше селекционное общество и научно-исследовательская станция на Украине заявили, что путем специальных обработок, о которых он, пояснили, слышал из германских источников, пищевая может быть продвинута на север». Что слышал? Из каких именно источников? О чем говорится в них? Все это темнее, чем вода в бочке.

Но с Дарлингтоном не согласен профессор Гарвардского университета К. Сакс. Не знаю, сродни ли он тому Саксу, которому немецкие ученые хотели присвоить открытие Б. Тимирязева, или он из тех англичан, которые, после поражения гитлеризма, считают, что принес им через месть к монархии власть, только в 99-м томе американского журнала «Сайнс» он пишет:

«Позиция Лысенко в отношении генетики была, вероятно, вызвана его более ранней работой по яровизации. Озимая пшеница, отталкивавшаяся от яровой по одному генетическому фактору, может возделываться как яровая, если семена увлажняются и хранятся на холода в течение нескольких недель, то посева. Это открытие было сделано в США в гражданской войне».

Оказывается, это открытие было сделано чуть ли не сто лет назад! И сто лет оно хранилось в тайне от мира? На каких теориях оно было основано, потому что сих пор о нем молчали американские ученые... не известно. И Дарлингтон и Сакс известны только одно: пусть будет открытие где угодно, — в Германии, так в Германии, в Америке, так в Америке, — лишь бы не в Советском Союзе.

Город Атланта, штат Джорджия, Соединенные Штаты Америки

Можете ли Вы молчать?

Уважаемый доктор Формэн!

Наше давнее знакомство, восходящее к тому времени, когда мы с Вами вместе занимались социологией и историей в Лондонском публичном архиве и в Британском музее в 1925—1927 годах, служит мне основанием для обращения к Вам по вопросу, представляющему широкий общественный интерес. Я говорю о новом выступлении американской реакции против равноправия рас, о книге сенатора Бильбо: «Вырайте между обособлением рас и превращением в блудов».

Сенатор Бильбо обрушивается в своей книге на всех, кто смешает выступать в защиту негров. В частности, он называет Ваше имя, доктор Формэн, среди тех, кого он именует «предателями белой расы».

Вы, доктор Формэн, проявили известную смелость, когда, будучи привлечены покойным президентом Рузвельтом к участию в работе федеральной администрации, первым из ответственных государственных служащих Юга взяли себе секретарем негра. Конечно, закон позволял Вам так поступить, руководствуясь только способностями кандидата; ведь конституция Соединенных Штатов запрещает дискриминацию при приеме на общественные должности граждан по цвету их кожи, национальному, расовому и вероисповедному признаку. Вы знали, однако, что общумы гостиницыющих классов в Америке спльнее формального права. Не только Вашему секретарю пришлось покинуть свой пост, но и Вы, сын

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 42

редактора газеты демократической партии и внук плантатора, владевшего неграми-рабами, сам оказались вынужденным уйти с государственной службы.

Вы продолжали работать за справедливость в отношении негров. Вы участвовали в филантропических организациях с целью поднятия материального уровня жизни и образовательного ценза негров.

Вы исходили из предположения, что Ваш идеальные противники описывают. Сенатор Бильбо, написавший книгу, в которой он нападает на Вас и ваших сторонников, Вы пытались убедить, вместо того чтобы разоглашать их истинные цели. Я помню, доктор Формэн, как Вы говорили мне еще 20 лет тому назад: «Нас на Юге учат не выносить сор из избы». Вы внутренне не можете отделаться от того чувства, что «правила честной игры» обязывают Вас замалчивать расизм в Соединенных Штатах. Вы пытались убедить какого-нибудь Бильбо в Вашем правоте и в Вашем благородстве, вместо того чтобы отдать американским расистам на суд мирового общественного мнения.

Бильбо утверждает: «Все мировые цивилизации погибли от смешения рас». И Бильбо иллюстрирует свою «теорию» молчанием перед лицом расизма в Америке примером: «Так было с Римской империей, так будет и с современным Римом — Соединенными Штатами, если не будут приняты меры против смешения рас, точнее, подавления всех других народов, кроме американцев».

Бильбо пишет: «Все мировые цивилизации были созданы белой расой». Это очевидная ложь. Достаточно напомнить о великой цивилизации Китая. А цивилизации древних инков, ацтеков или майя?

В своей книге Бильбо пишет о «высших» и «низших» расах. Все, о чем он говорит, придумано им. О «измерении человеческих черепов по исторических «сводам»» — все сказано им из фашистских книг: у Банзе и Гаусгера, у Гебельса и у Гитлера. Бильбо не всегда называет свои «источники» лишь потому, что ему хочется скрыть свою духовную родство с неудачливыми претендентами на мировое господство. А Бильбо, выступая от имени американской реакции, сам требует мирового господства для Соединенных Штатов. Бильбо исходит даже из того, что мировое господство Америки уже достигнуто: остается только обеспечить его с помощью реформируемой им расовой политики — «общественность».

Бильбо пишет: «Все мировые цивилизации погибли от смешения рас». И Бильбо иллюстрирует свою «теорию» молчанием перед лицом расизма в Америке примером: «Так было с Римской империей, так будет и с современным Римом — Соединенными Штатами, если не будут приняты меры против смешения рас и народов в Соединенных Штатах».

Утверждение Бильбо о гибели древних цивилизаций от смешения рас заимствовано сенатором-реакционером у английского расиста Бенджамина Кизда и у «пангермана» англо-саксонского происхождения Хау-

ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ДИКАРИ Наследство мастера Кмоха

Братья ТУР

шенно искрепить коммунизм во всем мире. Поточный прибор дает возможность делать измерения, которые походят на анализ и контроль психологической и зарядной болезни коммунизма. Обладая таким прибором, можно

вздохнуть слегка и — сорвать с головы яйцо! — доктор заявляет диагноз: — Полозитлен. В поле зрения явный микрополозитлен. Третьего дня в баре триколоры четырехнулся по адресу сенатора Ванденберга и по другим адресам. У Салтыкова-Медведина изображен некий

проектер Федот Архимедов. Оный Федот, видяший причину всех экономических затруднений в «разгульности и расслаблении», выступил следующим проектом: для оздоровления молодежи надобно упорядочить ее воспроизведение, образовав институт щемящих молодых людей и не допускавших к браку людей неблагонадежных.

Не кажется ли интересным из интервью из Юнайтед Пресс, что по сравнению с профессором из Массачусетса юношеский заокеанский Федот видит причину всех зол в растущих прогрессивных умонастроениях широких масс, которые он из всех сил пытается окрестить «коммунизмом». Для новальной борьбы с этим злом он и старается изобрести свой аппарат...

Нас не удивляет то, что американский профессор, озержимый антикоммунистической истерий, ударила в бровей про жесть. Не поражает нас, а только смешит и тот факт, что претендующая на единоличность агентство Юнайтед Пресс распространяет по миру такую несусветную чушь.

Публикуя научные проекты профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

В конце своего сенсационного интервью Курт Лайон скромно добавил, что это изобретение «поедет в созданию новой науки, способной контролировать цивилизацию».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

В конце своего интервью Курт Лайон скромно добавил, что это изобретение «поедет в созданию новой науки, способной контролировать цивилизацию».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

В конце своего сенсационного интервью Курт Лайон скромно добавил, что это изобретение «поедет в созданию новой науки, способной контролировать цивилизацию».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера Кмоха по сравнению с прибором, о появлении которого обрадовало все вслушивание профессор из Массачусетса!

Несколько все в этом приборе умилительно, но — «американски» просто! Подоны-

ром, доктора сумеют создавать здоровые умонастроения, делающие подобные иссечения невозможными».

На появление научных проектов профессора Лайона, агентство Юнайтед Пресс не без торжества сообщает о возможности установления «контроля за цивилизацией».

Что стоит, в самом деле, жалкая машина фанатического мастера

О героях критикующих и критикуемых

Область драмы — раскрытие и преодоление противоречий. Критика и самокритика, как это показал А. А. Жданов в своем выступлении на философской дискуссии, есть новая историческая форма раскрытия и преодоления противоречий, прещущающей советской действительности. Цель этих заметок — рассмотреть, как воплощают современные драматурги эту новую диалектическую закономерность.

1. Для нашей драматургии критика и самокритика — это нечто большее, чем просто одна из черт советского бытия, которую она, драматургия, признает отрицательно. Критика и самокритика выступают как принципиально новое, небывалое в доскональном театре разрешение драматического конфликта.

В старой драме критика в лучшем случае — это просто личность против закона общества. Она выражает непримиримый и, что крайне важно, неразрешимый конфликт между личностью и обществом в доскональной действительности. Общество неспособно видеть критике. Оно обзывают Гамлета и Чашного сумасшедшими. Гамлета убивают. Чашного изгоняют. Критика в старой драме выступает, следовательно, лишь как форма частичного раскрытия противоречий, но отнюдь не как форма их преодоления.

Способности к критике самих себя, т. е. к самокритике, есть признак духовного здоровья общества, признак его молодости и силы. Самокритичность — внутренне присуща только социалистическому обществу. Внешнее же проявление этой самокритичности двояко: во-первых, нетерпимость к недостаткам и, как следствие, взаимная критика членов нашего общества; во-вторых, способность каждого члена общества к анализу и признанию своих ошибок, к признанию критики.

Первое мы называем критикой, второе — самокритикой.

В этом смысле критика и самокритика сосуществуют как две стороны единого диалектического процесса, смысл которого — в борьбе нового против старого и в поборе нового.

Наиболее ясна заслуга советской драматургии заключается в том, что она показала борьбу нового против старого в форме критики, причем впервые в истории мировой драматургии с критикой выступает само общество, однозначно и передовых своих деятелей. Эту новаторскую особенность советской драматургии можно проследить хотя бы в таких пьесах последнего времени, как «Далеко от Стalingрада» и «Мера за меру». А Суровы, «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «В одном городе» А. Софронова, «Друзья Михаила Юргова» Я. Смелякова. Эти пьесы, написанные с разной степенью таланта и глубины проникновения в жизнь, показывают новую общественную, действенную функцию критики.

Однако грядущая старой драмы еще во многом тяготят молодой советской драматургии. Рисуя принципиально новые отношения между людьми социалистического общества, не мыслимы без критики и самокритики, наша драматургия подчас сбываетя на пути, проторенные старой драмой.

2.

Большинство пьес в том, что авторы метафизически делят действующих лиц на два лагера — на критикующих и критикуемых, причем для тех и других самокритика, как правило, остается областью неизвестного.

Сперва — о критикующих.

Что дает им право на критику, что делает их критику плодотворной? Идейность? Да. Нетерпимость к недостаткам? Конечно.

Стремление к совершенствованию? Разумеется. Во всем этом мы не можем не согласиться с драматическими писателями.

Дальше начинаются расхождения.

Драматурги полагают, если судить по героям их пьес, что критиковать нужно может лишь тот, кто сам не совершает ошибок. Нам же кажется, что плодотворно критиковаться может лишь тот, кто сам способен к анализу, признанию и исправлению своих ошибок.

Впрочем, было бы очень трудно доказать, что положительные герои большинства современных пьес не обладают этой способностью к признанию и исправлению своих ошибок. Попробуй, доказай, коли они ни в чем и никогда не ошибаются.

Мы боямся быть поиманными прямитивно и, следовательно, превратно: раз, дескать, критика требует, чтобы героя тоже случалось ошибаться и каяться — извольте!

Нет, совсем не надо прымыкаться к героям только ради того, чтобы он выглядел самокритичным. Заставьте своего героя жить и бороться, не высвобождайте его от ответственности, пусть он сталкивается с действительными трудностями, преодолевает реальные противоречия!

Дело в том, чтобы движение вперед было непременно движением, совершенствованием самого героя, чтобы он становился лучше самого себя, умнее самого себя, сильнее самого себя!

Для этого, однако, герой должен быть обязательно в самой жизненной буте, а не над жизнью, в борьбе, а не над борьбой; он должен быть действующим лицом, а не дешевой инстанцией. Для этого он должен не только учить других, но и сам учиться, принимая уроки и удары судьбы; не только критиковаться других, но и критически осмысливать свою собственную деятельность.

Вот этого и нет в большинстве современных пьес. Даже в наиболее правдивых и острых драматических произведениях

последнего времени, в которых авторы не закрывают глаза на противоречия жизни, а смело показывают жизнь в противоречиях, главный герой ставится в положение совершенно исключительное.

Он — приезжий. Этим все сказано.

Он приезжий, и, стало быть, ни в малейшей мере не отвечает за то, что тут несет нетерпимые. Если тут были допущены ошибки, то это не его, а чужие ошибки. Если тут были допущены недоработки, то он-то уж в них не винен.

Он только что назначен. Он как раз для того и назначен, чтобы навести порядок. И он наводит порядок, устраивает недостатки, не им и допущенные, критиковать ошибки. Какая же тут, помилуйте, может быть самокритика! В чем ему, приезжему герою, скажите пожалуйста, винить?

Товарищ Петров всего каких-нибудь двадцати лет назначил секретарем горкома («В одном городе»). Товарищ Рогов — «позвавший» в Москву, демобилизованный, на самолете в область, оттуда сюда», т. е. в Березовский район («Хлеб наш насущный»). Товарищ Телеш — только-только получил назначение на пост секретаря райкома («Мера за меру»).

— А что, дрянины у вас дела? — спрашивает Рогов.

Это «у вас» крайне характерно для исключительного положения, в которое ставят своих героев некоторые наши драматурги. Именно «у вас», а не «у нас». Герою остается лишь разобраться в положении, создавшемся до него и без него. Особого труда для него не составляет, недаром ведь говорят, что со стороны виднее.

Секретарь горкома Петров, секретари райкомов Рогов и Телеш — дяди авторами. Но существу, не борясь, а как бы над борьбой. Ни один, ни другой, ни третий не испытывают сколько-нибудь серьезного противоречия, да и нет ни в «одном городе», ни в двух районах силы, которая могла бы им противостоять. Те же, кто им в какой-то мере все же противостоят, даже и не помышляют против них бороться! Они хотят, подобно Ратникову, лишь показать свою правоту, или, подобно Тихому, скрыть свою преступлени, или, подобно Кошкину, устроиться поскорее от борьбы, — ни один из них и думать не смеет о контрапункте.

Все три секретаря пользуются полной и безоговорочной поддержкой обкома, они — полновластные партийные руководители. У них ни мига никогда нет сомнения. Им все ясно. В исключительно сложной обстановке они ориентируются с неизбываемой легкостью, причем на каждый случай у них есть готовые, безшибочные решения.

Право, соединяет также такое впечатление будто и Рогов и Телеш привнесли с собой в район если не решения февральского Пленума ЦК ВКП(б), то, по крайней мере, постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года, но от всех прочих держат эти документы в секрете.

Меры, ими принимаемые, в частности соответствуют упомянутому постановлению. Может быть, постановление это и впрямь уже существовало к моменту приезда Рогова? Но почему же тогда оно не открыло глаза на положение вещей другим работникам?

Тверьова, какой она обрисована в пьесе Н. Вирты, еще меньше, чем софоновский Ратников, способна, на наш взгляд, винить голосу критики и признать свои ошибки. Через всю пьесу проходит она занавешенная и самодовольной «хозяйкой» района, старателем скрывающейся от нового секретаря райкома непримяглыми сторонами своего холода. Между тем, победа Петрова над Ратниковым. А между тем, победа Петрова была бы куда более полной, если бы Ратников вышел из борьбы не побежденным, но побеждавшим в себе самом старого во имя нового. Но для этого, разумеется, Ратников должен был способен признать свою неправоту, способен к признанию критики, т. е. в конечном счете — к самокритике.

Тверьова, какая она обрисована в пьесе Н. Вирты, еще меньше, чем софоновский Ратников, способна, на наш взгляд, винить голосу критики и признать свои ошибки. Через всю пьесу проходит она занавешенная и самодовольной «хозяйкой» района, старателем скрывающейся от нового секретаря райкома непримяглыми сторонами своего холода. Между тем, победа Петрова над Ратниковым. А между тем, победа Петрова была бы куда более полной, если бы Ратников вышел из борьбы не побежденным, но побеждавшим в себе самом старого во имя нового. Но для этого, разумеется, Ратников должен был способен признать свою неправоту, способен к признанию критики, т. е. в конечном счете — к самокритике.

Увы, это не так.

«Планер немецкого инженера Отто Линненгальта, основоположника современной авиации (1890 год)» — гласят надпись.

С чувством досады за так легко отданное немью первенство переходим в зал воздушного пилотажа.

И здесь примут утверждаться за иностранцами. По материалам выставки получается, что первые полеты на воздушном шаре совершили братья Монгольфье, де Розье и д'Арланд. Моран Сонье и Габриэль Вузен.

В музее множество моделей иностранных самолетов, а основатели аэродинамики Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, С. А. Чаплыгин представлены лишь миниатюрными портретами. Хотелось бы увидеть любовно оформленные витрины, рассказывающие о деятельности русских основоположников авиации, разрабатывавшие почти все вопросы теории аэродинамики, открытии воздушного места, которое они должны занимать по праву.

Во всех отделах музея — атмосфера холода, неясности, отсутствия общения, удивления посетителя.

Слева — работы худ. И. Кокорекина

И. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин. Слева — работы худ. А. Кокорекина

А. Кокорекин. Справа — работы худ. А. Бабкина

А. Бабкин.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Яшел глубокой и тесной, как ущелье, Карской долиной на запад, приближалась к тому месту, где Азия граничит с Европой. Справа и слева виднелись серые каменные громады с пятнами снега. Однажды, когда солнце залилось за горы, по долине пронеслись длинные тени. На южную половину неба лег розовый сумрак, и в нем, первый раз за это лето, показалась звезда. Однокака, она — представитель темноты — казалась странной и в то же время прекрасной в этом светлом краю...»

Это выдержка из книги А. Шахова «По опасным тропам. Повесть об одной экспедиции» («Молодая гвардия», 1947).

Мне кажется, счастлив человек, который не приужден и просто может сказать о себе: «Яшел... в том же месте, где Азия граничит с Европой». И описать первую звезду длинного полярного дня. И поведать, как растут в тундре цветы, согретые круглогодичным солнцем.

Счастлив путешественник. Движение в пещерах, с буссолью и картой — для него также и движение к познанию, все более полному, но никогда не исчерпываемому познанию облика родной страны.

Вдохнишь счастье от потому, что, наенеся свою карту луга и пастбища, изумишь, какие и где растут травы, исследовав водопады, оможет сказать: «Вот так надо следить, чтобы всем оленям стадам хватило в тундре корма...»

Завидуешь уделу путешественника. А большого нельзя и пожелать его книге. Если зажгла она желание «поколесить вдоль и поперек» по просторам родины, открыть, исследовать, вызывать к жизни неисчислимые ее богатства, если потянуло читателя к истокам рек или на необитый полярный берег, если крепко захотелось самому увидеть розовую ночь и подглядеть, как пляшут на снежном холме зяи, — значит хороша книга!

А. Шахов — геоботаник. Его книга — единственный из сотен экспедиций, ежегодно исследующих необитаемые пространства нашей родины — ее моря и реки, тайгу и горные хребты, ее недра, животный

Ф. КРАВЧЕНКО

КОСТРЫ В СТЕПИ

— Феерия! — крикнул мой спутник, как только последние тускны огоньки Курского промелькнули мимо машины и мы очутились в степи, озаренной пламенем больших kostров. — Какие огромные кострища!

— Лучше бы мы увидели здесь не kostры, а обыкновенные электрические фонари, — сказал я, всматриваясь в силуэты скрипов.

— Может быть, — не очень охотно соглашалась фотограф, — но все же это мне больше нравится. Даже странно, что вы, писатель, не замечаете такой красоты.

Мне не хотелось говорить, что я сам вначале заливалась было красивым зреющим, но вдруг устыдился, вспомнив, как труда и опасна nocturna molotoba. Не от хорошей жизни зажгли эти kostры, курские колхозники. Немцы уничтожили почту весь инвентарь, десятки тысяч крестьянских жилых, все, что трудом было накоплено до войны. Всего лишь четыре года назад освободила эту землю Советская Армия. Многое восстановлено, но машины все еще нехватает. А надо спешить; надо поскорее обмолотить обильный урожай, добиться в жарких схватках с природой там, где недавно бушевала война.

Наша машина свирепела с курского поселка на проселочную дорогу. Она долго мчалась, расплескивая впереди себя мутный свет, выхватывая из темноты то ярко-зеленую щетину травы, то прежде временно пожелтевшую ветку куста, то черную по-лоску рта. Изредка где-то вдалеке вспыхивали огоньки фар. Стремительно приближалась она к нам и гасла, а вслед за тем с ревом высакивала из темноты на-полненный пузатыми мешками грузовик. Колхозники спешали в Обоянь...

— Вот вам и Маруська Суржикова. Со

ними Полтавщину, мы заночевали. Утром мы наконец, нашли деревню Быково, где предстояло встретиться с Мариной Григорьевной Суржиковой. Немного мы знали о ней. Скромная колхозная девушка стала знатной звездой. В этом году ей, возможно, будет присвоено звание Героя Социалистического Труда. «Вироем, если ей суждено только орден Ленина получить, то следует побывать в Быково», — посоветовал мне один из руководящих работников области. — Вы, как писатель, можете почтеннуть ценный материал для творчества?

— Конечно. Суржикова поставлена в исключительные условия, — сказал фотограф, когда машина приближалась к колхозному току. — Иначе, как ей рекордиться?

Машиной остановилась возле веялок и тренажеров с ситами, с помошью которых колхозники ссыпали зерно. Здесь, на выгоне, собрались женщины, бородатые старики, дети. У больших весов, подле которых стояли наполненные зерном мешки, возились мужчины в потертых и полиняющих гимнастерках. Одни из них оказались председателем колхоза «Первое мая». Он только назвал себя: Ефремов. Разговорился некогда было — надо отправлять зерно. Однако он приветливо заулыбался, когда мы заговорили о Суржиковой.

— Вас Маруська интересует? — сказал Ефремов, переглядываясь с колхозниками. — Это хорошо. Она у нас знатная. Пойдемте, я вам покажу нашу Маруську.

Мы были смушены, когда Ефремов остановился возле группы заполненных колхозниц, молотивших цепями:

— Вот вам и Маруська Суржикова. Со

своим знатным звением...

Лоснящиеся на солнце, как сабли, билы цепов мелькали над белыми платками колхозников. Когда Ефремов окликнул Марусю, одновременно мгновенье замерло в воздухе и вдруг без взмаха упало на сноп. Бросив взгляд, молодая краснощекая колхозница с темными пышными глазами подошла к нам, подала руку. Я спросил:

— Что ж это вы с молотьбой? до сих пор не управились?

— Я управилась, — возразила Маруся. — Это мы другому зевну помогаем,

— Сказала, — Маруся вопросительно поглядела на председателя колхоза: что ей дальше делать? Ефремов улыбнулся:

— Ты им, Маруся, свою сквеку покажи. Сквеку у нее знаменитая выросла.

— Тут, пожалуй, и снимать нечего, — неожиданно произнес фотограф, обращаясь ко мне. — Я думал заснять Суржикову на фоне молотилки, а она с цепом. Как вам нравится?

— Я ничем не мог помочь моему спутнику. В работе Маруси, ее внешности и походке не было ничего особенного. Простая, как труда и опасна nocturna molotoba. Не от хорошей жизни зажгли эти kostры, курские колхозники. Немцы уничтожили почту весь инвентарь, десятки тысяч крестьянских жилых, все, что трудом было накоплено до войны. Всего лишь четыре года назад освободила эту землю Советская Армия. Многое восстановлено, но машины все еще нехватает. А надо спешить; надо поскорее обмолотить обильный урожай, добиться в жарких схватках с природой там, где недавно бушевала война.

Наша машина свирепела с курского поселка на проселочную дорогу. Она долго мчалась, расплескивая впереди себя мутный свет, выхватывая из темноты то ярко-зеленую щетину травы, то прежде временно пожелтевшую ветку куста, то черную по-лоску рта. Изредка где-то вдалеке вспыхивали огоньки фар. Стремительно приближалась она к нам и гасла, а вслед за тем с ревом высакивала из темноты на-полненный пузатыми мешками грузовик. Колхозники спешали в Обоянь...

— Вот вам и Маруська Суржикова. Со

ними Полтавщину, мы заночевали. Утром мы наконец, нашли деревню Быково,

где предстояло встретиться с Мариной Григорьевной Суржиковой. Немного мы знали о ней. Скромная колхозная девушка стала знатной звездой. В этом году ей, возможно, будет присвоено звание Героя Социалистического Труда. «Вироем, если ей суждено только орден Ленина получить, то следует побывать в Быково», — посоветовал мне один из руководящих работников области. — Вы, как писатель, можете почтеннуть ценный материал для творчества?

— Конечно. Суржикова поставлена в исключительные условия, — сказал фотограф, когда машина приближалась к колхозному току. — Иначе, как ей рекордиться?

Машиной остановилась возле веялок и тренажеров с ситами, с помошью которых колхозники ссыпали зерно. Здесь, на выгоне, собрались женщины, бородатые старики, дети. У больших весов, подле которых стояли наполненные зерном мешки, возились мужчины в потертых и полиняющих гимнастерках. Одни из них оказались председателем колхоза «Первое мая». Он только назвал себя: Ефремов. Разговорился некогда было — надо отправлять зерно. Однако он приветливо заулыбался, когда мы заговорили о Суржиковой.

— Вас Маруська интересует? — сказал Ефремов, переглядываясь с колхозниками. — Это хорошо. Она у нас знатная. Пойдемте, я вам покажу нашу Маруську.

Мы были смушены, когда Ефремов остановился возле группы заполненных колхозниц, молотивших цепями:

— Вот вам и Маруська Суржикова. Со

своим знатным звением...

Лоснящиеся на солнце, как сабли, билы цепов мелькали над белыми платками колхозников. Когда Ефремов окликнул Марусю, одновременно мгновенье замерло в воздухе и вдруг без взмаха упало на сноп. Бросив взгляд, молодая краснощекая колхозница с темными пышными глазами подошла к нам, подала руку. Я спросил:

— Что ж это вы с молотьбой? до сих пор не управились?

Культурная жизнь страны

◆ Во время войны немцы разрушили в селе Михайловском многие здания и памятники, связанные с жизнью и деятельностью А. С. Пушкина. Сейчас они восстанавливаются и реставрируются.

Восстановлен домик имени поэта — Арины Родионовны. Начата реставрация Святоягорского монастыря, у стен которого покончился практ великолепного поэта.

◆ Ивановский областной краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, выпущенных фабриками нашей страны в XVII столетии до настоящих дней. В коллекции насчитывается до полумиллиона образцов шерсти, шелка, сатина, ситца самых разнообразных рисунков.

◆ Известный краеведческий музей хранит богатейшую в мире коллекцию образцов русских тканей, вып